

Р. Г. Апресян

УНИВЕРСАЛИЗАЦИЯ МОРАЛЬНЫХ СУЖДЕНИЙ (ОСНОВАНИЯ И ПРОЕКЦИИ)*

Апресян Рубен Грантович – доктор философских наук, профессор. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: apressyan@iph.ras.ru

Универсализация моральных суждений нередко трактуется в духе первого практического принципа категорического императива И. Канта: моральный агент, выбрав принцип (максиму) действия, соотносит его со всеобщим законом, стремясь установить, может ли выбранный им принцип действия быть возведен во всеобщий закон. Соответствие частного принципа нравственному закону дает основание считать принцип нравственным. Однако анализируя суждения вкуса, Кант показывает, что человек соотносит суждения такого рода со всеобщим человеческим разумом, выявляемым в суждениях других людей. Таким образом, суждения проверяются на всеобщность в соотношении не со всеобщим законом, а с суждениями других. Аналогичный подход в понимании универсализации суждений (решений, позиций) проводит Гегель. Но в отличие от Канта он усматривает основу процесса универсализации не в мышлении, а в практическом взаимодействии людей, действующих в соответствии с этосом сообщества, стремящихся к удовлетворению своих интересов и понимающих, что это возможно лишь при условии, что они будут принимать во внимание интересы других. В свете этих положений Канта и Гегеля в статье анализируется дискурсивно-коммуникативный опыт на разнородном материале: с одной стороны, гомеровского эпоса, а с другой – экспериментального психологического исследования детского морального сознания, проведенного С. Г. Якобсон. Этот анализ позволяет сделать вывод о разнообразии мыслительных процедур, с помощью которых производится универсализация моральных суждений, направленная на преодоление их ситуативной ограниченности, пристрастности, прагматичности и осуществляемая посредством проекции моральных суждений индивида на установки других людей, персонализированные образцы, принятые в сообществе нормы и запечатленные в культуре обобщенные моральные принципы.

Ключевые слова: мораль, универсальность, всеобщность, тест на универсальность, моральные суждения, моральные конфликты, справедливость, архаическое сознание, С. Г. Якобсон, моральное сознание детей

* Статья подготовлена в рамках проектного исследования «Феномен универсальности в морали», осуществляемого при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 18–18–00068.

Для цитирования: Апресян Р. Г. Универсализация моральных суждений (основания и проекции) // *Философский журнал / Philosophy Journal*. 2019. Т. 12. № 3. С. 110–125.

* * *

Универсальность – одна из важнейших нормативных, дискурсивных и психологических характеристик моральных суждений в широком смысле слова, включающих, наряду с императивными и оценочными высказываниями, также решения, в том числе проявляющиеся в мотивах и намерениях. В литературе встречается понимание универсальности как онтологической характеристики морали. Проблема природы универсальности в морали требует дальнейшего комплексного обсуждения¹. Как видно не только по философской, но и политологической, культурологической, психологической литературе, универсальность нередко обсуждается в соотнесении с релятивностью (как один из вариантов – в форме универсализма принципов поведения в противоположность их релятивизму)². В этическом контексте универсальность противопоставляется локальности и партикулярности. Иными словами, это противопоставление может проследиваться как на уровне императивных ситуаций, так и на уровне диспозиций морального агента.

В данной статье меня интересует определенный аспект проблемы, а именно формы и способы универсализации, т. е. придания суждениям свойства универсальности. Этот процесс не всегда осуществляется интенционально самим деятелем; он может проходить в результате воздействий, оказываемых на деятеля его коммуникативными и социальными партнерами, в результате его продолжающейся социализации, осмысления и переосмысления культуры. При этом важно, чтобы универсализованность суждений в конце концов осознавалась самим деятелем и признавалась им в качестве существенного свойства его решений и высказываний.

Модель универсализации

Универсализация как процедура морального мышления в общей форме представлена Иммануилом Кантом. Она задается категорическим императивом, в частности его первым практическим принципом, повелевающим человеку руководствоваться в своих поступках лишь таким принципом (или максимальной, в терминологии Канта), относительно которого можно желать, чтобы он стал «всеобщим законом»³ или «всеобщим законом природы»⁴,

¹ См.: *Morality and Universality: Essays on Ethical Universalizability*. Dordrecht, 1985; Скоморохов А. В. Анализ дискуссий о принципе универсализуемости в моральной философии 1950–1960-х гг. // *Философские науки*. 2018. № 10. С. 47–64; Логинов Е. В. Анализ дискуссии о принципе универсализуемости в моральной философии 1970–1980-х гг. // *Философские науки*. 2018. № 10. С. 65–80; Прокофьев А. В. Универсальность как свойство моральных явлений // *Вопросы философии*. 2018. № 11. С. 47–56.

² См.: Kukathas C. *Moral Universalism and Cultural Difference* // *The Oxford Handbook of Political Theory*. Oxford, 2008. P. 581–600; Quintelier K. J. P., Smet D. De, Fessler D. M. T. *The Moral Universalism-Relativism Debate* // *Revue Philosophique*. 2013. Vol. 27. P. 211–262.

что по отношению к универсализации означает практически то же⁵. Так основания поступков проверяются на соответствие долгу. Посредством процедуры универсализации, которая в современной литературе получила наименование «тест на универсальность», деятель соотносит избранный им принцип действия с универсальным законом. В каждом случае индивид должен задаться вопросом, можно ли признать наличные у него в данном случае намерения в качестве таких оснований действия, которые были бы безусловно приемлемы для каждого рационального существа. Моральное достоинство намерений определяется положительным ответом на поставленный вопрос.

Если здесь уместно говорить о регуляции, то фактором регуляции выступает категорический императив, но ее субъектом, как и ее объектом, является агент, или действующий индивид, который самим фактом применения теста на универсальность и деятельного признания его результатов удостоверяет себя в качестве морального агента.

Тест на универсальность непосредственно обращен на основания действий. Но его социальное и моральное значение шире. Хотя в ходе теста на универсальность основания действия проверяются на их адекватность всеобщему закону, самой процедурой проверки устанавливается также связь другого рода. Успешное прохождение теста на универсальность подтверждает не только моральность агента, но и его членство в сообществе рациональных индивидов. На это, в частности, обращает внимание Онора О'Нил: «Формула всеобщего закона уже подразумевает идею сообщества, включающего других автономных агентов»⁶. Иными словами, хотя универсализация высказываемых индивидом частных суждений осуществляется посредством их соотнесения со всеобщим моральным законом и моральный закон, по сути, задает суждениям форму, гарантирующую их от субъективности, – тестом на универсальность моральный агент проверяет еще и себя самого: насколько он приобщен к сообществу разумных существ, и параметр «сообщество» является в этой проверке не менее значимым, чем параметр «разумный».

С этим важным моментом в концепции категорического императива тесно связана та часть анализа, проводимого Кантом в отношении суждений вообще (на примере суждений вкуса), в которой он указывает на мыслительные процедуры, аналогичные проверке моральных суждений на универсальность. Особенность этих процедур в том, что апробация суждений проводится на основе их соотнесения не со всеобщим законом, а со «всеобщим человеческим разумом». Он дан вполне конкретно – в суждениях других людей. Правда, не реальном воплощении суждений, а в том виде, в каком они предстают в воображении деятеля. В проекции к ним он и осуществляет проверку своих суждений. Благодаря этой рефлексивной процедуре индивид ставит «себя на место других» и тем самым абстрагируется «от ограничений, которые случайно могут быть связаны» с его собственными

³ Кант И. Основоположения к метафизике нравов // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках: в 4 т. Т. 3. М., 1997. С. 142.

⁴ Там же. С. 145.

⁵ Подробнее см.: Апресян Р. Г. Кант, тест на универсальность и критерий морали // Философские науки. 2018. № 11. С. 74–75.

⁶ O'Neill O. Consistency in Action // *Morality and Universality: Essays on Ethical Universalizability*. Dordrecht, 1985. P. 172.

суждениями. Абстрагирование, подчеркивает Кант, «достигается посредством того, что по возможности опускают то, что в представлении есть материя, т. е. ощущение, и обращают внимание лишь на формальные особенности своего представления или своего созданного представлением состояния»⁷. Индивиду при этом следует стремиться к тому, чтобы (а) «мыслить самостоятельно», (б) «ставя себя на место другого», (в) «в согласии с самим собой», – что значит, как поясняет Кант, свободно от предрассудков, «широко» и последовательно⁸. Эти принципы мышления, по сути, вменяются индивиду как разумному существу – агенту *sensus communis*, или общего чувства⁹. По своему содержанию они очевидно изоморфны практическим принципам категорического императива. Отличие между двумя версиями апробации суждений в том, что во второй проверка суждений на всеобщность производится путем сопоставления со всеобщим нравственным законом, воплощенном в «общем чувстве» людей – людей, объединенных в сообществе, реальном или мыслимом; соотнесение суждения частного индивида с законом опосредовано мнениями других индивидов, пусть и воображаемых (и в этом смысле абстрактных). При том, что в морально-философских сочинениях Канта природа всеобщего нравственного закона недостаточно прояснена, установление сходства между принципами мышления, выявленными в «Критике способности суждения», и принципами категорического императива позволяет представить всеобщий нравственный закон в другом ракурсе, а именно в контексте межличного и социального взаимодействия, и по-новому взглянуть на тест универсализации.

Идея обусловленности мышления индивида его включенностью в межчеловеческие связи получила развитие у Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. По сути, у него обнаруживается то же видение универсализации суждений, что и в «Критике способности суждений» Канта. Но у Гегеля основой универсализации суждений являются не мысленно-дискурсивные процедуры, а сами практические отношения людей как отношения взаимности, взаимодействия. Именно они, по Гегелю, оказываются предпосылкой всеобщности – выхода индивида за рамки своей единичности.

Как естественное существо человек, по Гегелю, обладает потребностями, и некоторые его действия прямо направлены на их удовлетворение. Посредством единичных действий индивид обеспечивает свое существование в качестве единичного существа. Это возможно благодаря той среде, в которой действует индивид: в ней воплощена «мощь всего народа», и благодаря ей усилия индивида обретают свою практическую определенность. Более того, благодаря социальной среде действия, в которые претворяются эти усилия, принимают требуемую форму и оказываются наполненными необходимым для их успешности содержанием. Единичные потребности единичного индивида осуществляются при условии воплощения в них «всеобщего мастерства и нравов всех». Индивидуальные действия, будучи единичными вследствие субъективности мотивов, в силу которых они совершаются, и целей, на которые они направлены, вплетаются в действия

⁷ Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения: в 8 т. Т. 5. М., 1994. С. 134.

⁸ Там же. С. 135.

⁹ О *sensus communis* у Канта в историко-философском контексте см.: Артемьева О. В. «Здравый смысл» и мораль // Постигая добро. М., 2013. С. 208–209.

всех и тем самым обретают всеобщий характер. Человек таким образом находится в отношениях тотальной связанности с другими. Таково его естественное и неизбежное состояние. Им задана его природа как социального существа.

Отношения взаимозависимости, взаимопользования, взаимодействия, самоотчуждения и самоприсвоения, с присущим им единством «бытия для другого» и «для-себя-бытия» предстают у Гегеля в виде существующего самого по себе порядка, действующего по неким законам природы. Не индивид в своей единственности конституирует свою социальность или себя в качестве социального существа, но социальность – в лице других людей, близких и дальних как носителей сложившихся социальных связей и участников сообществ, – конституирует индивида. Наиболее очевидно это явлено в разделении труда и в обмене¹⁰.

Предложенная Гегелем картина позволяет по-новому взглянуть на всеобщий закон природы Канта и возможность его разумного постижения. У Канта всеобщность закона и потенциальная вовлеченность человека в общество разумных существ отражены в разных аспектах категорического императива – его первом и втором принципах; их действительная сопряженность проясняется только во внимательном чтении. В метафизическом рассмотрении универсальность предстает у Канта свободной не только от какого-либо внешнепредметного содержания, но и от возможных коммуникативных проекций. При философско-практическом подходе к суждениям Кант указывает на важную роль последних в процедурах универсализации. У Гегеля же единство «бытия для другого» и «для-себя-бытия» само по себе представляет «всеобщую субстанцию», которая «говорит своим *всеобщим* языком в нравах и законах народа». При этом, будучи не чем иным, как «выражением самой единичной индивидуальности»¹¹, всеобщая субстанция однозначно представлена в социальных узах, выраженных «в нравах и законах народа». Необходимость взаимодействия обуславливает появление суждений во всеобщей форме; люди соотнобразовывают свои притязания, и благодаря этому частное трансформируется во всеобщее.

Как бы ни было, процедуры универсализации суждений оказываются для индивида опосредованными человеческими отношениями, а не только его ориентацией на общие нормы («законы»). Приняв это во внимание, логично предположить, что характер опосредствований бывает различным: универсализация суждений проводится в приложении к разным коммуникативным и нормативным факторам. Чтобы рассмотреть, как происходит универсализация суждений на уровне самой моральной практики и как она реализуется в высказываниях и решениях людей, в межличном и социальном взаимодействии, дискурсивно-коммуникативном партнерстве и соперничестве, я воспользуюсь результатами своего исследования различных способов универсализации высказываний, проведенного на материале эпической поэмы, и переосмысления экспериментального психологического исследования морального развития детей дошкольного и младшего школьного возраста, проведенного Софьей Якобсон. И в одном, и в другом случае в качестве материала для анализа берется опыт «неразвитого» нормативного

¹⁰ См. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М., 2000. С. 181.

¹¹ Там же.

сознания, которое не достигло того уровня зрелости, который схватывается в метафизическом рассмотрении кантовского толка. На этом уровне коммуникативные и нормативные опосредствования еще сохраняются во «внешнем плане» и поэтому доступны для эмпирической фиксации и анализа.

Формы универсализации суждений в гомеровском эпосе

Различные способы универсализации высказываний были мной проанализированы на материале «Илиады» Гомера. Результаты того исследования¹² я представлю здесь в суммированном и соотнесенном с задачами данной статьи виде.

Универсализация оснований решений и суждений происходит в процессе расширения смыслового содержания конкретных императивных ситуаций и, соответственно, изменения диспозиций морального агента. Такого рода расширения происходят в эпических сюжетах спонтанно и имеют несколько разновидностей.

Одна из них почти однозначно сопоставима с тем, как Кант предполагал возвышение суждения на основе «общего чувства», и заключается в сопоставлении индивидом своей позиции с представлениями других людей – именно предполагаемыми представлениями других. Так, Гектор перед решительной схваткой с Ахиллом в какой-то момент колеблется – не ретироваться ли за стену крепости, откуда можно было бы нанести врагу удар возможно даже умноженной силы, не выйти ли без оружия к Ахиллу с покаянием за допущенное его братом Парисом похищение Елены и обещанием компенсировать совершенное зло богатым выкупом или, каковы бы ни были шансы на успех, сразиться с Ахиллом в единоличном бою. У Гектора есть возможность соотнести свое решение с представлениями других, причем не каких-то других, но наиболее близких ему – отца и матери (которые к тому же царь и царица Трои), звучащие с городской стены, к тому же их призывы вторят тому, с чем к нему обращалась перед началом сражения любимая жена, склонявшая его к благоразумию в битве. Но для Гектора важнее, что о нем подумают его сограждане, тем более что он, безрассудно отвергнув накануне предлагавшийся другой план боя, фактически обрек троянцев на поражение. Как для настоящего воина для Гектора главное – подтвердить в глазах сограждан свои мужество и благородство, заслужить славу, остаться в памяти потомков. В этом его предназначение как героя, и исполнить его он может лишь одним способом – вступив в смертельный бой с Ахиллом. Эти мотивы перевешивают обоснованные благоразумие и практичность и оказываются определяющими в его решении. Как видим, Гектор ориентируется на мнения других, но на те мнения, которые соотносятся общепринятыми идеальными представлениями.

Можно предположить, что другие не как реальные другие, а воображаемые другие, выступают для находящегося перед выбором деятеля, которому предстоит принять решение, персонификациями идеальных представлений. В этом смысле их роль не многим отличается от ценностных представлений

¹² См.: Апресян Р. Г. Универсализация высказываний в процессе становления морального мышления // *Философия и культура*. 2014. № 4. С. 607–615.

самих по себе. Тем более что эти ценностные представления являются результатом обобщения коммуникативного и социального опыта не одного поколения. Так что Гектор, хотя и соотносит свое решение с суждениями предполагаемых других, их суждения для него связаны с общезначимыми понятиями – стыда, благородства, славы, чести¹³. Решение в конкретной ситуации оказывается принятым под влиянием общих представлений, которые и задают ему определенный ценностный смысл. Посредством соотнесения конкретных решений и суждений с общими ценностными представлениями они делокализуются и, значит, универсализируются.

В ряде случаев эпические персонажи, высказываясь по поводу частных ситуаций, делают обобщения, причем в довольно абстрактной форме, самостоятельно универсализируя занимаемые ими позиции. В одном примечательном эпизоде Гера, желая примириться с Зевсом, предлагает забыть обиды и прекратить ссору. Она имеет на то свои частные виды, но она высказывает свое предложение в такой форме, посредством которой взаимная уступчивость и примиренность утверждаются, можно сказать, в качестве образца для суждений и поступков других. Эта обобщенная форма высказывания имеет реверсивный эффект, и, какими бы ни были внутренние перипетии той конкретной ситуации размолвки, в свете ее предположения, что стремление к примиренности должно стать обязательным для каждого, изменяется смысловое содержание конкретного конфликта и выхода из него. В свете предложенного стандарта взаимной уступчивости эта ситуация уже предстает иной.

Общие ценностные представления особым образом присутствуют в архаическом сознании – в рекомендациях и повелениях, высказываемых богами, а также в молитвенном обращении к ним людей. Боги – это как бы обобщенные другие, сакрализованные другие. Они всегда находятся вне ситуации и своим включением в нее (а оно редко происходит напрямую, чаще боги действуют через смертных) они меняют мерность ситуации, возвышают принимаемые решения и задают масштаб, позволяющий разглядеть в них надситуативные смыслы. Обращения к богам, к которым прибегают в особенно важных случаях принятия клятв или заключения соглашений, выполняют функцию обеспечения внешнего, идеального поручительства. Земным делам людей придается тем самым возвышенное значение.

Еще при одной разновидности универсализации суждения индивида подвергаются трансформации под влиянием представлений других людей, но уже не воображаемых, а вполне реальных других. Они высказываются по поводу конкретных ситуаций и своими рекомендациями, советами, настояниями пытаются оказать влияние на принимаемые решения. Дискурсивные интервенции совершаются формально сторонними по отношению к ситуации принятия решения людьми. Это могут быть наставления, даваемые под видом рассказов о прошлых событиях известных или неизвестных героев, или воспоминания о героических событиях, свидетелем которых был рассказчик. И предание, и воспоминание, обращенные к деятелю в его

¹³ Понятно, что семантический спектр соответствующих древнегреческих слов – *agathos*, *aidōs*, *āristos*, *kleos*, *timē* лишь отчасти совпадает с теми значениями – «благородный», «стыд», «лучший», «слава», «честь», – которые принято с ними связывать в первую очередь. Литература, посвященная разбору древнегреческих ценностных представлений, огромна.

конкретных обстоятельствах, делокализируют его личную ситуацию и наполняют ее общим смыслом. Вместе с тем, делокализация может осуществляться посредством речей, с которыми люди обращаются друг другу в своем собственном качестве, говоря от своего имени. В этих речах они делятся ожиданиями, высказывают пожелания, дают советы, напоминают о принятых формах поведения, необходимости следовать традициям и т. д.

С этой точки зрения заслуживает внимания сюжет с возвращением Ахилла в битву после долгого перерыва, вызванного жгучей обидой на верховного воеводу ахейцев – Агамемнона. Ахилл, преодолев своей гнев и отбросив все бывшие у него претензии к Агамемнону, спешит вернуться в сражение и уже готов это сделать, как ему приходится на время отложить свое решение. Вступление в битву откладывается четыре раза. Сначала его мать, нимфа Фетида, напоминает ему, что у него более нет его знаменитых доспехов, и было бы безрассудством вступать в битву без доспехов. Ахилл соглашается и откладывает свое решение до утра, пока бог Гефест не изготовит ему за ночь новые доспехи. Но и в доспехах еще не время вступить в бой. Та же Фетида напоминает сыну, что прежде нужно прилюдно помириться с Агамемноном. Ахилл соглашается и, созвав ахейское войско, объявляет, что более не имеет претензий к Агамемнону. Когда он уже вновь готов устремиться в бой, к нему обращается Одиссей с советом о том, что примирение будет закреплено лишь при условии, что Ахилл примет предлагавшиеся прежде Агамемноном дары и совершит совместную с Агамемноном трапезу. Но и после этого, оказывается, не все готово для сражения: тот же Одиссей подсказывает Ахиллу, что перед битвой воинов следует накормить, чтобы придать им силы в бою. Итак, мы видим, что поворотное решение Ахилла, которое может стать определяющим в многолетней войне, наталкивается на ряд преткновений частного характера, каждое из которых важно само по себе, но никак не сопоставимо по значимости с самим этим величественным решением. Тем не менее каждое из них неявно знаменует изменения ценностных оснований этого решения.

Ахилл готов устремиться в битву, обуреваемый чувством мести к Гектору за поверженного им Патрокла, своего лучшего друга. Однако сколь бы важным ни было это решение, в субъективном отношении оно было обусловлено сугубо личными мотивами Ахилла. В случае предостережения со стороны Фетиды, касающегося необходимости воинской экипировки в бою, нет, конечно, никакой универсализации – в этом предостережении нет даже малейшего этического смысла. Мы имеем лишь факт того, как частное решение одного корректируется частным мнением другого, а именно мотив мщения ограничивается прагматическим соображением. Но этот факт интересен тем, что мы видим наличие самой возможности такой коррекции. Следующее преткновение исходит также от Фетиды. Оно, как и предыдущее, может показаться всего лишь прагматическим, мол, в бою воину требуется собранность и невозмутимость, поэтому необходимо избавиться от обид. Но, объявляя о перемене в своей душе, Ахилл освобождается от скверны вражды с соратником и тем самым разрывает им же самим установленный круг обособленности. Далее устремленность Ахилла в битву сдерживается Одиссеем, чье указание на необходимость церемониального закрепления примиренности принятием даров и совместной трапезы существенно расширяет значение принятого Ахиллом решения. Восстанавливая единение с Агамемноном, Ахилл не только обеспечивает себе крепкий тыл, но и расширяет основания своего решения: благодаря этому он вступает

в бой не единолично, но как бы представляя всех ахейцев. Это основание укрепляется устроенной войску трапезой перед битвой. Само по себе решение о ее организации также выглядит прагматичным. Но важен один из аргументов Одиссея: перед боем *всегда* надо кормить воинов. К тому же заботой о воинах Ахилл объединяется с ними и тем самым окончательно возвращается в войско. Предстоящая битва становится их общим делом.

Этот сюжет пронизан нормативной динамикой, интересным образом характеризующей изменения, происходящие внутри конкретной императивной ситуации, у истоков и в центре которой находится Ахилл. Благодаря включению других лиц с их опытом, ожиданиями, настояниями в эту ситуацию Ахилл принимает одно за другим новые, вспомогательные решения, причем принимает беспрекословно. В результате ситуация расширяется, вбирает в себя представления других, наполняется дополнительным содержанием, которое в конечном счете уже возвышается над частностью начальной поведенческой установки Ахилла и обретает некий общий смысл.

Универсализация суждений в игровых ситуациях конфликта интересов у детей

Достоверность описанных разновидностей универсализации суждений подтверждается не только их корреляцией с процедурами универсализации, выявленными моральной философией, но и с реальным опытом разрешения внутренних и внешних моральных конфликтов. Для нашего дальнейшего рассмотрения взят особый рода морально-конфликтный опыт. Это опыт конфликтов, переживавшийся детьми старшего дошкольного и младшего школьного возраста (т. е. возраста, в котором ценностно-нормативные представления еще во многом синкретичны, а моральное сознание находится в процессе становления¹⁴) в ходе экспериментального психологического исследования. Оно проводилось Софьей Якобсон (1924–2019) совместно с сотрудниками (Р. А. Курбановым, Г. И. Моревой, П. Г. Нежновым, Л. П. Почервиной, В. Г. Щур) в 1970–1983 гг. и было направлено на изучение решений детей в ситуации конфликта интересов и формирования у них способности к саморегуляции поведения в соответствии с моральными нормами. Исследование строилось на материале решений, которые принимали дети при игровом распределении благ¹⁵; отдельное внимание уделялось оценочным высказываниям детей в отношении абстрактных, воображаемых, конкретных других или самих себя по поводу распределения благ, а также ценностной динамике в этих высказываниях.

¹⁴ Эти, как и некоторые другие характеристики ценностно-императивного сознания детей (например, неразличение ценностного значения намеренных и случайных действий) делают его тесно сопоставимым с архаическим ценностно-императивным сознанием.

¹⁵ Предметом распределения были особенные, не знакомые детям по их обычным играм, игрушки – разнообразная одежда для кукол (которую распределяли девочки) и миниатюрная военная техника (которую распределяли мальчики). Игрушки распределялись ребенком между собой и двумя другими детьми в условиях, когда другие не могли как-либо отслеживать порядок распределения. Только на определенной стадии исследования детям, получавшим игрушки, предоставлялась возможность узнать, как они были распределены, и оценить результаты распределения.

Исследование проводилось на основе серии диагностирующих, констатирующих и формирующих экспериментов¹⁶. Диагностирующие эксперименты позволяли отбирать детей, систематически нарушавших норму равного распределения благ¹⁷. Констатирующие были направлены на то, чтобы устанавливать, понимают ли дети возможность различных подходов к распределению благ и способны ли они ценностно дифференцировать эти подходы. Благодаря формирующим экспериментам, в ходе которых распределение детьми благ подвергалось оценке, а также самооценке, создавались условия для перестройки отрицательного поведения детей. На третьей стадии исследования, в ходе формирующих опытов, психолог создавал условия, обеспечивающие перемену в поведении детей, и они – даже те, которые дольше всех придерживались эгоистической стратегии при распределении благ, – начинали ориентироваться на интересы других и даже отдавать им приоритет, подчиняя им свои интересы. Инструментом такого воздействия была оценка личности ребенка на основании того, как он производил распределение благ.

Оценка производилась в соотнесении с общими нормами, согласно которым *следует делиться и следует распределять блага равномерно (справедливо)*. Констатирующие опыты показывали, что несправедливые дети не хуже тех, кто распределял блага справедливо (т. е. поровну) и альтруистически (т. е. отдавая приоритет интересам других), знали названные нормы, понимали их ценностное значение и высказывали адекватные суждения при отвлеченных оценках *неких* других – абстрактных сверстников или известных сказочных персонажей¹⁸. Однако это никак не сказывалось на характере выбора, который они совершали в условиях, когда на кону были их личные интересы. Иными словами, *знание детьми норм не гарантировало их исполнения*. «Видение и понимание разных способов поведения в ситуации морального выбора, – отмечает в связи с этим Якобсон, – не связано с теми факторами, которые определяют сам выбор... Адекватное осознание основных плоскостей морального выбора постоянно сочетается как с нарушением, так и с неустойчивым соблюдением нормы»¹⁹. Что, собственно, подтверждает известное от века: «Вижу и одобряю лучшее, а следую худшему»²⁰. Подавляющее большинство детей, «распределявших» блага в свою пользу, понимали, что нарушали принцип справедливости, но при этом явно или неявно не принимали во внимание чужие интересы, демонстрируя тем самым очевидное расхождение между знанием и поведением.

¹⁶ Якобсон С. Г. Психологические проблемы этического развития детей. М., 1984. С. 85–87, 104–105.

¹⁷ Несправедливых детей отбирали в ходе диагностических экспериментов. Исследование проводилось в детских садах и школах Москвы и Московской области, Душанбе (Таджикистан) и Петропавловска (Казахстан). Везде доля устойчиво несправедливых детей, с которыми продолжалась исследовательская работа, составляла 15–20%.

¹⁸ В данном исследовании были использованы образы Буратино и Мальвины в качестве положительных «эталонов» и Карабаса в качестве отрицательного. Интуитивное предположение психологов, что это понятные и значимые для всех детишек образы, не оправдалось. Как оказалось, в отдельных случаях эти образы были для детей безразличны (хотя и известны), и поэтому их привлечение в исследовании не давало никакого эффекта. Для продолжения исследования с этими детишками, потребовалась смена сказочных персонажей.

¹⁹ Якобсон С. Г. Психологические проблемы этического развития детей. С. 92, 98.

²⁰ См.: Этический словарь. М., 2001. С. 46–48.

Показательно, что, распределив несправедливо, некоторые дети оправдывали свое решение тем, что и другие, те, которые сейчас получили намного меньше, распределяли бы так же, будь они уполномочены распределять. В известной мере этот аргумент можно считать проявлением логики, схожей с логикой универсализуемости. Но это не универсализуемость в чистом виде, как она известна в моральной философии. Формула универсализуемости должна включать условие: «как я бы хотел», в духе Золотого правила – я поступаю так, как я бы хотел, чтобы поступали другие, когда результаты их поступков касаются меня. Последнее является залогом сострадательного отношения к другим.

Интересно отметить, что среди деливших поровну лишь небольшая часть руководствовалась самими по себе нормами равенства и уважения интересов других; для большинства справедливых детей определяющими оказывались мотивы симпатии и дружелюбности, – что Якобсон рассматривает как проявление недостаточной развитости моральной позиции (хотя, если следовать схеме Лоуренса Кольберга, в этом возрасте о развитой моральной позиции речь еще не идет²¹). Природа моральной мотивации в такого рода случаях нуждается в дальнейшем изучении с целью установления соотношения между «чистым» моральным мотивом исполнения нормы справедливости и мотивом дружелюбности. Последний с психологической точки зрения может быть конкретизацией мотива справедливости; нет сомнения, что с этической точки зрения для реципиента справедливое из дружелюбности действие и является справедливым²². Формально же говоря, большинство справедливых и альтруистических детей, поступая в соответствии с нормами, побуждались не императивностью норм самих по себе, а признанием интересов других.

В более широком плане, признание интересов означает признание позиции других, составной частью которой является отношение других к моральному агенту. Этот момент важен для понимания того, как может работать оценка других в качестве фактора трансформации поведения ребенка.

В констатирующих и формирующих экспериментах психолог, проводивший их, так или иначе транслировал ребенку оценку его действий. Психолог не высказывался от своего имени, но выступал как бы в роли медиатора оценки. Ребенку, участвующему в эксперименте, предлагалось оценить себя с позиции общей нормы, в соотнесении с абстрактным сверстником (персонифицированным в ситуативном нарративе), а также в соотнесении со сказочными персонажами, выступавшими эталонами морально положительного и морально отрицательного характеров. Наряду с этим психолог сообщал ребенку мнение, которое как будто бы высказывали о нем его товарищи, считавшие, что ребенок соответствовал положительному эталону – Буратино или Мальвине, при том, что в действительности ребенок производил распределение несправедливо, хорошо осознавал это и сам соотносил себя с отрицательным моральным эталоном.

²¹ Kohlberg L. Stage and Sequence: the Cognitive Developmental Approach to Socialization // Handbook of Socialization Theory and Research. Chicago, 1969. P. 363–364.

²² Стало быть, мотивы не только морально негативных, но позитивных действий могут характеризоваться пристрастностью: интересы других принимаются во внимание, потому что это друзья, это те, кому хочется сделать приятное. Проводились ли контрольные эксперименты относительно того, как бы поступили эти, справедливые с друзьями, дети по отношению к чужим или к тем, кого они считают недругами, не известно.

Для некоторых детей, проводивших несправедливое распределение, само воображение такой императивной альтернативы было достаточным фактором смены установки в отношении характера распределения ими благ. Эта смена знаменовала универсализацию позиции детей, поскольку была результатом сопряжения имевшегося у ребенка подхода с оценочным мнением сверстников, прямо или косвенно соотнесенным с моральным стандартом.

Однако далеко не всегда предъявление нормативной альтернативы оказывалось достаточным для того, чтобы у ребенка со сложившейся эгоистической установкой произошли изменения в отношении к интересам других детей и в тактике распределения благ. Объяснение этого феномена зависит от понимания природы действенности норм и оценок в качестве факторов регуляции поведения. Кем высказываемые, на что направленные, на чем основанные нормы и оценки оказываются наиболее действенными с точки зрения влияния на поведение ребенка и какую роль в этом играют процедуры универсализации суждений?

Главный вывод, к которому приходит Якобсон, заключается в том, что для того, чтобы ребенок стал *субъектом* саморегуляции, должно измениться его отношение к себе как *объекту* регуляции: ребенок должен понять себя как того, кто исполняет или нарушает ценности и нормы, принятые в сообществе. Эти ценности и нормы используются членами сообщества в качестве критерия для оправданных притязаний и оценок. Ребенок может ставить свои решения и поступки в осмысленную зависимость от ценностей и норм. Как показало разбираемое исследование, старшие дошкольники и младшие школьники на это в общем способны, но гораздо живее они откликаются на обращенные к ним оценки и требования, воплощающие в себе персонифицированные ценностные эталоны. Ребенку предстоит преодолеть пользовательское отношение к нормам, при котором они воспринимаются «как способ охраны в первую очередь своих интересов»²³. Чтобы стать субъектом саморегуляции ребенок должен занять по отношению к себе критическую рефлексивную позицию, должен научиться смотреть на себя глазами других, должен почувствовать себя частью сообщества.

В исследовании эта перемена стимулировалась и сопровождалась исследователем. Предполагалось, что психолог посредством специальных коммуникативно-дискурсивных средств конденсировал те процессы социализации, в которые при нормальных социокультурных условиях включается каждый индивид. Психолог таким образом фактически конструировал для ребенка мыслительную ситуацию, в которой тот имел возможность увидеть свои решения и их последствия в более широком смысловом контексте – в проекции к общим правилам и к образцам, представленным вымышленными и сказочными персонажами, а также в коммуникативном контексте – в проекции к мнению сверстников. Ни одно из этих смысловых расширений не предполагалось самими детьми, тем не менее оно выполняло регулятивную функцию, поскольку задавало решению ребенка и его возможной рефлексии по поводу этого решения иной императивный контекст, конкурентный по отношению к изначальному. Вместо *мне хочется – так мне лучше*

²³ Kohlberg L. Stage and Sequence: the Cognitive Developmental Approach to Socialization // Handbook of Socialization Theory and Research. Chicago, 1969. С. 96.

и соответственно *лучше так, как мне хочется*, ребенок осваивал другой принцип: *лучше, как принято, как надо, как требуется*.

Способность к саморефлексии и отрицательной самооценке формируется в процессе коммуникации, в результате интериоризации отрицательных внешних оценок, даваемых значимыми другими, в первую очередь авторитетными взрослыми²⁴, а затем и сверстниками. В эмоциональном отношении оценка сверстников имеет более сильное влияние на ребенка, чем оценка взрослого. При этом, как показало исследование, оценка отдельного поступка не столь влиятельна, как оценка личности ребенка в целом. Наконец, воздействие оценки оказывается сильнее, если в ней отражается не несоответствие ребенка положительным образцам, а его соответствие отрицательным образцам²⁵. Именно такая отрицательная оценка ребенка, подрывающая его положительный образ себя, вызывающая его недовольство собой, запускала у участников исследования Якобсон механизм саморегуляции, кардинально корректирующей их поведение при решении задачи распределения благ между собой и сверстниками.

* * *

Мы можем видеть, что разительно несхожие по собственному содержанию гомеровский эпос и экспериментальное психологическое исследование почти смыкаются при определенно «предвзятом» угле зрения, фокусирующемся на тех формах высказываний и практических решений, благодаря которым обеспечивается снятие их локализованности и партикулярности и задается моральный образ мысли. Освоение последнего оказывается результатом разного рода обобщений, посредством которых Я помещается в ограничивающие смысловые «скобки» и соотносится с желаниями и предпочтениями других, их ожиданиями и суждениями, с персонализированными образцами и эталонами и, конечно, нормами. Так что соотношение с нормами, с «всеобщим нравственным законом» (в терминологии Канта) является лишь особым случаем более общего класса нормативно-мыслительных процедур, обеспечивающих универсализацию моральных суждений.

Список литературы

- Апресян Р. Г. Универсализация высказываний в процессе становления морального мышления // *Философия и культура*. 2014. № 4. С. 607–615.
- Апресян Р. Г. Кант, тест на универсальность и критерий морали // *Философские науки*. 2018. № 11. С. 70–85.
- Артемьева О. В. «Здравый смысл» и мораль // *Постигая добро / Отв. ред. О. В. Артемьева, А. В. Прокофьев*. М.: Альфа-М, 2013. С. 202–221.

²⁴ Как отмечают С. Г. Якобсон и И. В. Прусс, «вырваться из плена непосредственных эмоций и желаний, подняться над потоком конкретных ситуаций, увидеть в них общие законы человеческих отношений и сознательно им подчиниться сам ребенок не может, по крайней мере в этом “нежном” возрасте» (Якобсон С., Прусс И. *Последняя победа Буратино (Формирование морального сознания у дошкольника)*. М., 1983. С. 14).

²⁵ Якобсон С. Г. Психологические проблемы этического развития детей. С. 103–104.

- Артемьева О. В. Универсальность и автономия в этике И. Канта // *Философские науки*. 2018. № 11. С. 86–102.
- Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Пер. Г. Г. Шпета; отв. ред. М. В. Быкова. М.: Наука, 2000. 495 с.
- Кант И. Основположения к метафизике нравов // *Кант И. Сочинения на немецком и русском языках: в 4 т. Т. 3 / Подгот. к изд. Н. В. Мотрошиловой, Б. Тушлингом. М.: Московский философский фонд, 1997. С. 39–276.*
- Кант И. Критика способности суждения // *Кант И. Сочинения: в 8 т. Т. 5 / Под общ. ред. А. В. Гулыги. М.: Чоро, 1994. 414 с.*
- Логинов Е. В. Анализ дискуссии о принципе универсализуемости в моральной философии 1970–1980-х гг. // *Философские науки*. 2018. № 10. С. 65–80.
- Прокофьев А. В. Универсальность как свойство моральных явлений // *Вопросы философии*. 2018. № 11. С. 47–56.
- Скоморохов А. В. Анализ дискуссий о принципе универсализуемости в моральной философии 1950–1960-х гг. // *Философские науки*. 2018. № 10. С. 47–64.
- Этический словарь / Отв. ред. Р. Г. Апресян, А. А. Гусейнов. М.: Гардарики, 2001. 670 с.
- Якобсон С. Г. Психологические проблемы этического развития детей. М.: Педагогика, 1984. 144 с.
- Якобсон С., Прусс И. Последняя победа Буратино (Формирование морального сознания и дошкольника). М.: Знание, 1983. 96 с.
- Kohlberg L. Stage and Sequence: the Cognitive Developmental Approach to Socialization // *Handbook of Socialization Theory and Research / Ed. by D. A. Goslin. Chicago: Rand McNally, 1969. P. 347–480.*
- Kukathas C. Moral Universalism and Cultural Difference // *The Oxford Handbook of Political Theory / Ed. by J. S. Dryzek, B. Honig, A. Phillips. Oxford: Oxford University Press 2008. P. 581–600.*
- Morality and Universality: Essays on Ethical Universalizability / Ed. by N. T. Potter, M. Timmons. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1985. 312 p.
- O'Neill O. Consistency in Action // *Morality and Universality: Essays on Ethical Universalizability / Ed. by N. T. Potter, M. Timmons. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1985. P. 159–186.*
- Quintelier K. J. P., Smet D. De, Fessler D. M. T. The moral universalism-relativism debate // *Revue Philosophique*. 2013. Vol. 27. P. 211–262.

The universalization of moral judgements (premises and projections)*

Ruben G. Апресян

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: apressyan@iph.ras.ru

Universalization of moral judgments is often interpreted in the spirit of the first practical principle of Kant's Categorical Imperative: a moral agent, having chosen a principle (maxim) of an action, correlates it with the universal law, trying to explore whether the chosen principle could be imagined as the universal law. The correspondence of a partial principle to the moral law gives grounds to consider it as an ethical one. However, in his discussion of judgments of taste, Kant, developing a similar reasoning, shows that in the judgments of taste, a person correlates them with human reason in general, which is discovered in the judgments of other people. Thus, judgments are tested for universality in relation not to the universal law, but to the judgments of others. Hegel takes a similar

* The paper is part of the research project «The Phenomenon of Moral Universality», supported by the Russian Science Foundation, project № 18–18–00068.

approach in understanding the universalization of judgments (decisions, positions). But unlike Kant, he sees the process of universalization based not in thinking, but in the practical interaction of people acting in accordance with their community morals, striving to satisfy their interests and understanding that this is possible only if they take into account the interests of others. In the context of models proposed by Kant and Hegel, the article analyzes the discursive and communicative experience revealed in Homer's epic and the experimental psychological research of children's moral consciousness by Sofia Yakobson. This material allows to draw a conclusion about the diversity of thinking procedures, with the help of which the universalization of moral judgments is made to overcome their situational limitation, particularity, partiality, pragmatism, and is carried out by means of projection of an individual's moral judgments on the attitudes of others, personalized samples, norms accepted in the community and imprinted in culture general moral principles.

Keywords: morality, universality, universalizability, universality test, moral judgement, moral conflict, equitability, archaic consciousness, Sophia Yakobson, children's moral consciousness

For citation: Apressyan, R. G. "Universalizatsiya moral'nykh suzhdenii (osnovaniya i proektsii)" [The universalization of moral judgements (premises and projections)], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2019, Vol. 12, No. 3, pp. 110–125. (In Russian)

References

- Apressyan, R. G. "Universalizatsiya vyskazyvaniy v processe stanovleniya moral'nogo myshleniya" [Universalization of statements in the process of moral thinking], *Filosofiya i kul'tura*, 2014, No. 4, pp. 607–615. (In Russian)
- Apressyan, R. G. "Kant, test na universal'nost' i kriterij morali" [Kant, Universality Test, and a Criterion of Morality], *Filosofskie nauki*, 2018, No. 11, pp. 70–85. (In Russian)
- Apressyan, R. G. & Guseinov, A. A. (eds.) *Etika: enciklopedicheskij slovar'* [Ethics: Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Gardariki Publ., 2001. 670 pp. (In Russian)
- Artemieva, O. V. "Zdravyy smysl' i moral'" [Common Sense and Morality], *Postigaya dobro* [Comprehending the Good], ed. by O. V. Artemyeva and A. V. Prokofev. Moscow: Alfa-M Publ., 2013, pp. 202–221. (In Russian)
- Artemieva, O. V. "Universal'nost' i avtonomiya v etike I. Kanta" [Universality and Autonomy in Kant's Moral Philosophy], *Filosofskie nauki*, 2018, No. 11, pp. 86–102. (In Russian)
- Hegel, G. W. F. *Fenomenologiya duha* [Phenomenology of Spirit], trans. by G. G. Shpet, ed. by M. F. Bykova. Moscow: Nauka Publ., 2000. 495 pp. (In Russian)
- Kant, I. "Osnovopolozheniya k metafizike nravov" [Groundwork of the Metaphysics of Morals], in: I. Kant, *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh* [Works in German and Russian], Vol. III, prepared by N. Motroschilova and B. Tuschling. Moscow: Moscow Filosofskij Fond Publ., 1997, pp. 39–276. (In Russian)
- Kant, I. *Sochineniya*, Vol. 5: *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Works, Vol. 5: Critique of Judgment], ed. by A. V. Gulyga. Moscow: Tchoro Publ., 1994. 414 pp. (In Russian)
- Kohlberg, L. "Stage and Sequence: the Cognitive Developmental Approach to Socialization", *Handbook of Socialization Theory and Research*, ed. by D. A. Goslin. Chicago: Rand McNally, 1969, pp. 347–480.
- Kukathas, C. "Moral Universalism and Cultural Difference", *The Oxford Handbook of Political Theory*, ed. by J. S. Dryzek, B. Honig and A. Phillips. Oxford: Oxford University Press, 2008, pp. 581–600.
- Loginov, E. V. "Analiz diskussii o principe universalizuemosti v moral'noj filosofii 1970–1980-h gg." [The discussion on the principle of universalizability in moral philosophy in the 1970–1980s: an analysis], *Filosofskie nauki*, 2018, No. 10, pp. 65–80. (In Russian)
- O'Neill, O. "Consistency in Action", *Morality and Universality: Essays on Ethical Universalizability*, ed. by N. T. Potter, M. Timmons. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1985, pp. 159–186.

- Potter, N. T. & Timmons, M. (eds.) *Morality and Universality: Essays on Ethical Universalizability*. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1985. 312 pp.
- Prokofiev, A. V. “Universal’nost’ kak svojstvo moral’nyh yavlenij” [Universality as a Feature of Moral Phenomena], *Voprosy filosofii*, 2018, No. 10, pp.47–56. (In Russian)
- Quintelier, K. J. P., Smet, D. De & Fessler, D. M. T. “The moral universalism-relativism debate”, *Revue Philosophique*, 2013, Vol. 27, pp. 211–262.
- Skomorokhov, A. V. “Analiz diskussij o principe universalizuemosti v moral’noj filosofii 1950–1960-h gg.” [The discussion on the principle of universalizability in moral philosophy of the 1950–1960s: an analysis], *Filosofskie nauki*, 2018, No. 10, pp. 47–64. (In Russian)
- Yakobson, S. G. *Psichologicheskie problemy eticheskogo razvitiya detej* [Psychological issues of children’s ethical development]. Moscow: Pedagogika Publ., 1984. 144 pp. (In Russian)
- Yakobson, S. & Pruss, I. *Poslednyaya pobeda Buratino (Formirovanie moral’nogo soznaniya I doshkol’nika)* [Buratino’s Ultimate Victory (Children’s moral consciousness development)]. Moscow: Znanie Publ, 1983. 96 pp. (In Russian)